

Содержание

Коротко от автора	7
Крошка моя, я по тебе скучаю!	9
Происхождение крика	23
Ничего не искали?	27
Наши дорогие	41
Несколько слов про ментов	43
Пидоры	47
Выплюнь пиво, сломай сигарету!	55
Русалка	65
Утро — гантели — пробежка!!!	73
Мой положительный герой	81

Сергей Шаргунов

Быть мужиком	93
Что слушаешь?	99
Старики	109
Поздний совок	121
Баба моя	133
Чужая речь	141
Еда	151
Друг	157
Прикид.....	165
Христос воскрес!	171
Над трупами ровесников	179
Мои читатели	189
Судьба Уражцева	197

КОРОТКО ОТ АВТОРА

Я написал «Ура!» в двадцать лет, в самом начале нулевых.

Скажу просто: захотел нарисовать героя, наблюдая мрачное, мутное и дурное вокруг.

Но какими красками рисовать? Герой не мог быть слащавым и плоским.

И я решил: пускай он коснется дна и, захлебываясь, всплывет... И, всплыв, заорет.

Герой — резок и диковат. Окруженный безумными и будничными трагедиями своей родины, отведав боль, он — наперекор всему — выбирает солнечный стиль атаки.

Повесть «Ура!», едва появившись в журнале «Новый Мир», возбудила многих. Кто-то возмутился, а кто-то восхитился.

Сегодня главные идеи и порывы этой книги, которые десять лет назад удивляли и отпу-

Сергей Шаргунов

живали ни одного издателя, стали, простите, трендом. Только автору не легче. Ведь доблестные порывы и честные идеалы похищены и обесмыслены официозом.

«Ура!» — о ярости созидания.

«Ура!» — вой молодого волка, перерастающий в декламацию стихов.

«Ура!» — это букет пощечин.

...Но никто не очнулся...

Сергей Шаргунов

КРОШКА МОЯ, Я ПО ТЕБЕ СКУЧАЮ!

— Па-авел? — вкрадчиво звучит в телефоне. — Привет, это Алиса, — голый обиженный голос.

— Я не хочу с тобой разговаривать, — отвечаю я и вешаю недавнюю любовь.

Тугое ее тело покачивается на виселице, взбалтывая мрачными грудями.

Зовут меня Уражцев Павел, мне двадцать, на дворе — двухтысячный год, и я ищу хорошей любви. И у меня, кажется, начинается такая любовь к одной крымской девочке. Я был там этим летом. Свел нас ее брат, который у меня прикурил на улице. Прикурил, а затем мы с ним разговорились.

Всего четырнадцать Лене. «Модельная внешность», как все говорят, чавкая этим определением. Точеная, с уже пружинистой грудью, с огром-

ной усмешкой серых глаз, и тонкими скулами, и крупным ярким пузырем губ. Я бы сравнил ее красоту с уродством. Слишком красивая, почти уродец. Зверская красота. У нее и фамилия зверская и сочная — Мясникова.

Она живет с матерью и братом в хилой лачуге в деревне Ливадия. Прикинь, нет ни одной книги в доме, кроме засаленной брошюрки «Сад и огород»! По экрану старого телевизора — серая рябь... Зато у порога растет деревце алычи с желтыми ягодами и на зиму Мясниковы обставляют банками прозрачного компота. Отец, русский морской капитан, давным-давно скрылся. Мать — хохлушка Надя, уже с морщинами и дряблостью, раньше работала в Ялте официанткой, а теперь иногда выезжает в Одессу торговать тряпками. Брат Славик старше Лены на год и совсем неказистый.

Он еле кончил восемь классов, хотя хваткий малый, и тусуется на пяточке в центре Ливадии с ровесниками. Пацаны тягуче сплевывают в горячую пыль (это стиль тут такой — плевать тягуче!) и ждут машин, какие бы помыть, к вечеру нажираются, укуриваются хэша, Славик приползает домой. Он деградирует день за днем, и речь его в подражание корешам

бредово-блатная. Славик чрезвычайно горд сестрой.

— Блин, — говорит, и в улыбке обломок зуба. — Я иду по местности и горжусь, Паш, потому что я знаю, КАКАЯ у меня сестра. Если б я ей не был братом, я бы ее... Я бы ее, Паш, имел — и плакал, имел — и плакал... — гордость распирает его, и он выпячивает впалую грудь.

Славик так КРИЧИТ. Кричать — значит заявлять, рассказывать о чем-то. И у меня в душе все кричит. И я тебе, читатель, подробнее прокричу про Лену Мясникову!

Целый день работает Лена. Ее наняли за бесценок в подвал, час за часом она обтягивает скользкие бутылки бумажными наклейками, бутылки поддельного вина. Работает на криминал девочка. Я однажды зашел в этот подвал на уровне фундамента старинного здания, некогда царской конюшни. Кто-то грубо бранился, а в ответ — шуршащие покорные звуки труда. Дверь в комнату труда была приоткрыта, резкий уксусный воздух.

— Че тебе? — дернулся ко мне горькоротый, с раздутой щекой мужик.

Тут Лена меня заметила, она подбежала, отделившись от молодых и немолодых теней. Ноздри ее тонко дрожали гневом:

— Мне выговор будет. Мне нельзя отлучаться. И сюда не ходи. Все!

Я поднимался по лестнице на солнечный воздух, а за спиной звучал мужицкий голос, выманный в грязи:

— Иди, иди, топай!

Я топал. На улице праздной ногой поскользнулся на ягодке алычи. Удержал равновесие, солнце скакнуло в глазах. Ах, как сладко и легко на поверхности!

Вечером Лена, осунувшаяся, выбирается из подвала, за ней цепляется некто Юля. Тоже работница с бутылками, мелкая дурнуха, помидор рожицы под копной черных волос. Девочки освободились и, нарядившись, отправляются в Ялту. Оторваться, оттянуться! Надо ловить момент, пока Ялта грохочет увеселениями. Лена знает свою красоту, боится пропасть и подружку тянет за собой.

— Мне Мисс красоты дали, — хвастает Лена, широко, акульки улыбаясь. — Все мне хлопали, цветы подарили, у нас потом долго стояли... Оранжевые.

— А где все происходило?

— Да там... — она уже недовольна, — в клубе одном... «Кактус» называется.

Она ослепительно скрытна, ее простодушная семья ничего не знает о делах красотки, а мелкая Юля — молчунья-сообщница.

— Мы сегодня в «Кактус» собираемся, — и Лена дергает плечиком: — Не хочешь с нами?

Конечно, хочу.

И сейчас я прокричу вам, как она, Лена, проводит время. Под гром хлопушек и гомон гуляющих, у зеленой вывески «КАКТУС» я стоял и ждал. Мощный фаллообразный рисунок, неоновый свет, я был заляпан кактусовым соком... Ждал полчаса.

— Привет, извини, — моргнула красотка, вся в серебристом и обтягивающем, ее единственный наряд, платье-чешуя.

Парубок-охранник прогудел:

— В шортах не можно, и в босоножках геть отсель!

Я выскочил, разъяренный. Поймал такси, умчал к себе на гору и там, наспех натянув цивильное, прыгнул в машину, и вот уже меня впустили.

Я ориентировался просто, закаленный московскими клубами. Прошел сквозь голубеющий чад, смуглый, бритоголовый, скуластый,

и сразу заметил девочек. Они невинно ворковали за столиком у старика. Старик слащаво щурился на Леночку.

Старик состоял из кулей дерьма, весь расплываясь. Лена вскинула бесконечные глаза и зашипела.

— Добрый вечер, — мои глаза его расстреляли. Он это понял и в отместку погладил Лене колено.

«Дура, с кем она путается!» — я сел неподалеку и, что поделать, то и дело оборачивался на них.

Сидел я у стеклянной стены, за которой мрачно пенилось море и кроваво мигал маяк. А здесь все рыдало весельем. За одним столом братва, крепыши, затащили сбивчивую песню. За другим — суетливо рылись в еде иностранцы, их-то допустили в шортах и даже в панамах. Только море было со мной заодно, и маяк мне заговорщицки подмигивал: «Отомсти! Отмсти!» Сжатые кулаки улеглись рядом с хрупким бокалом. Я сжимал кулаки и разжимал.

— Кулак? — спросила, проходя, баба с вывороченными губами. — Это что значит?

— Наверно, знак мужества... — подтявкнул ее спутник-карлик.

Потом все же подсели ко мне девочки, мы пили всякие мартини. Лена вертелась.

— Это очень важный человек! — сказала она про дерьмового старика.

Я хотел раздражить Лену, золотоволосую, и стал заигрывать с ее подружкой. Но Юлия тупо и темно была безответна, а Лена все дергала золотой головой, нетерпеливо кого-то высматривая. Вскоре она вспорхнула, и неуклюжая Юлия — за ней.

И тут началось самое дикое. Девочки пошли от столика к столику! Я оторопел. Их знали! Какие-то уголовники-богачи... Девочки присаживались. К ним наклонялись жующие морды, им заказывали сласти. Они кормились у столиков! Дура, дура, неужели ты думаешь, что это твой парад красоты?

Дело в том, что она еще девственница. Это она дает понять, и брат с матерью это знают. У нее еще никого не было. Чего она добивается, разгуливая по такому заведению? Изнасилюют и бросят в вонючий кювет, и будет лежать полуживая и стонать в звездной ночи.

Они грызли чипсы и орешки детскими зубками, обходя столики. Но я не знал, что делать, и ничего не делал, и маяк за моей спиной много-

опытно подмигивал, а море иронично шумело. Потом девочки исчезли. Я пошел их искать вглубь клуба. Лена, она же ничего не соображает...

Толпа увивалась вокруг своей мелодии, все тонуло в вонючем дыму. А над головами утопающих навис балкончик, и сквозь дым я приметил ВРАГОВ. Это были тертые московские диджеи. Пронаркоманенные насквозь, они совещались, я различил сизые рты. Слиплись на балконе... Я быстрым взглядом раздавил и размазал их по потолку. Девочек обнаружил уже на улице.

— Вы не могли бы нам помочь? — кокетливо-заинтересованно бросилась Лена, страшное равнодушие сквозило.

Оказывается, вырвались из какой-то мутной ситуации и теперь не было денег, чтобы вернуться домой.

— Поедьте вместе, — сказала Лена звонко. — Погуляем там у нас, а?

Да, и мы помчали по вихлястой дороге, кустарники царапали стекла. На заднем сиденье был я с Леной, она то отодвинется, то прихлынет. Мы подскочили на повороте к их Ливадии, и тут Лена, прихлынув, мокро заговорила мне на ухо:

— Извините, мы ужасно хотим спать. Спасибо, что вы... вы нас довезли...

Зови меня на «ты», Мясникова!

Подруги выкатились из машины и убежали, а я сел на ливадийском пяточке и начал пить. Покупал в палатке пиво, бутылка за бутылкой. Напевал себе какие-то красногвардейские и белогвардейские гимны. Светало, и нарастало тепло. Тусклый сон досыпали домики, невесомо бурлило море. Закричали петухи. Одно кукареку растянулось так хрипленько, так искренне. Грубые краски у морской зари: тяп-ляп, оранжевая, фиолетовая. Солнце сально взбухло. Это все вышло неинтересно и постыло. Только петушинные вопли меня и позабавили.

А через час я встретил Славика. «Здоров!» — мы поприветствовались с пацанами, и я отвел его в сторону.

— Послушай, — говорил я. — Она ходила от столика к столику... Почему? Она еще целка, а уже блядь! Почему?

То есть я стучал на его сестренку. Он хмуро кивал. Он мне принялся рассказывать про ее похождения:

— Знаешь, Паш, весной такой кипеш поднялся. Ленка с Юлькой заскакивают в дом: «Быстро

шторы напяливай», типа, их бандюки довели из клуба, а наши девки из тачки сбежали. Эти бандюки всю ночь по деревне гоняли, фарами светили по окнам...

Я подумал: ого! По лезвию ты порхаешь, Лена. А он смачно «кричал»:

— К ней ездил мужик из Донецка, мне баб-ла сунул. Башка у него желтая и голая. Башка, как ягодка алычи. Мужик-то ей подарки делал. Он ее на тачке катал. Черный джип у него!

— Смотри, — сказал я, — Славик. Выкинут ее на обочину из черного джипа...

Я редко стал заезжать к Мясниковым. Я весь отдался разгулам, и каждую ночь — очередное нелюбимое тело. Лишь утром оставшись один, засыпал под славные перезвоны церкви и ревнивые трели пташек. Недолго спал в солнечных бликах. Вставал, маршево брел из комнаты вниз с горы, солнце прожигало темя. Купался, делал сильные заплывы. Наконец меня оглушил солнечный удар.

Каждый шаг отзывается в виске, и стальная стая иголок скачет сзябким перезвоном и рушится о каменное дно. Жаровня внутри, где-то под сердцем, и сердце прерывисто выстукивает. Полуживой, я выбрался вечером на набережную. Аттрак-

ционы, клоуны, небо качается в авоське прожекторов... А зимой все опустеет, и Леночка будет сидеть в своей пальмовой деревне за несколько километров отсюда, где если прошел незнакомый человек — уже событие.

С этой мыслью я наткнулся на нее.

— Ты все рассказал Славе! — протараторила она слезливо. — Предатель! — отвернувшись, пропала.

Мелькнула, как знамя. Такая красивая.

Спустился в открытое кафе. Над баром черное нутро динамика ритмично сотрясалось. «Как у негритянки», — представил я. Маяк подмигивал моему сердцу, какой-то намек на влюбленность. Лена, она такая женственная, наверно женственная неисправимо. По всему побережью на мелкой гальке сидели серые люди. И сумрак скрадывал их движения.

Назавтра я приехал в Ливадию. Зашел к бедным Мясниковым, гостинцы принес, девочки не было. И я уже пошел к остановке, сесть в маршрутку и убраться восвояси, как она окликнула:

— Паша!

Они с Юлей стояли у витрины магазинчика.

— Уезжаете?

— Завтра, Лена, уезжаю в Москву.

Приблизилась:

— Приезжай, — и поцеловала меня длительно этой блеклой витрины.

Может, я описываю расплывчато. Например, я о ее мамаше почти ничего не пишу. Ну про мать ее знаю, что Надежда Ковальчук приехала в Киев поступать в институт. Не поступила, долго жила в общежитии, где пристрастились к алкоголю. И вся жизнь у Нади так пошла, пару раз за год запивает.

А что в наше время может ждать ее тоненькую дочку? Кто? Но Лена кокетничает со всеми без разбора, с пожирающей жизнью. Ей бы простого парня, не красавчика, а обычного, который был бы от нее без ума и крепко держал семью. Однако она уже учуяла себе цену и рвется вперед, в бары, к прищурам богатых людей...

Эй! У меня планы серьезные. Я хочу защитить чувства от шин черных джипов. Не хочу отдавать вам девочку, рыхлые вы скоты с холодными членами. Хочу, чтобы Лена в меня влюбилась. Раньше у меня была мучительная любовь к задастой Алисе. Потом я надолго разуверился во всем и теперь жду реабилитации чувств. Любовь надо мной надругалась, а нужны мне были

Ура!

чувства сильные. Я был кинут в грязь лицом и долго, где-то года два, не мог оправиться, уползал по грязи. Клонился к луже и узнавал свой набрякший лик. Помню, в апрельский денек шаркаю по Манежу, правую руку придерживая левой. Левая парализована, чугунная, после неудачной вчерашней колки. Если засучить рукав, под курткой и под свитером — на вене лилово-желтый огромный синяк.

После всех надругательств жизни я хочу заорать: дайте мне любовь! И, оказавшись в Крыму, я волочился за ускользящей Леночкой, заставлял себя ее преследовать... Я алчный, очень алчный, жажду любви. И вопль мой — о любви.

У нас будут красивые дети. Образцовая семья. Распад остановится. Я ведь наступательная железная личность, буду качать мышцы. Курить уже бросил. Так и вижу нас: Уражцев, Мясникова — в Москве.

Улыбчивые, мы с ней глубокой ночью пройдем по ветреной и сиротливой Красной площади. Продолжим наш длинный поцелуй на серой площади, когда нет там никаких людей и бегают собачьи стаи...

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРИКА

Происхождение «ура!» — тюркское. Переводится: «бей!» Это «ура!» меня с детства занимало. Яростное, как фонтан крови. В этом слове — внезапность. Короткое, трехбуквенное. Все же захватчики принесли простор и поэзию. Заряд энергии. Есть слова, которые выплескиваются за свои пределы.

Трехбуквенное ругательство, вязко шевелящееся, заставляет себя писать на стене. Не вымарать и «ура!» Звуки-инстинкты. В них магия жизни.

Ругательство — розовато-сизое, хрипловатое. А «ура!» — атакующе-алое. «Ура-а-а!» — и в ушах сразу глухнет, хохочут кровавые шарики, сердца — скачок! «Ура!» не стормозит, оно бьет на лету! Хрустящая сердцевина арбуза, блик солнца на водной ряби, и удар в мясо, в кости, отрывание жизни!

Страшно, когда на тебя орут: «Ура!», темнеет в глазах, и улепетываешь, лишь бы не навалились темной массой, не придушили.

Преподавательница музыки Валя, всю жизнь переживающая краткий роман с Бродским, утонченное нервное создание. На нее в подъезде набросился насильник, придавил к стене, расстегивая ширинку. Потрясенная, она вдруг выкрикнула: «Ура-а-а!» И... самца как ветром сдуло, только дверь подъезда хлопнула.

Салюты омывают небо, и рвется вопль. Однажды под гром праздника юная компания окружила мелкого японца.

— Не, а какие твои пацанские понятия? — настаивали они.

Подростки были возбуждены, то и дело они отвлекались от японца, чтобы вбросить в воздух очередную дозу: «Ура!» Японец обморочно улыбался, по лицу его скользили разноцветные отблески. К концу салюта он потерял сознание.

Для скольких этот звук был последним в жизни, сколько душ впитал в себя. Бежали слепо, цепляясь за свой же крик, и получали пулю, кроваво давясь криком. На войне все кричат: «Ура!» Из отчаянного командирского зова вырастает общий хор, ветвистое могучее дерево. Я пред-

Ура!

лагаю вам новый Миф о Древе Ура. Золотистая
крона гудит и шепчется над полями войн.

Корни костистые, плоды красные, и кора...
Толстенная кора!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)